

Моя встреча с поэзией Константина Васильева

Оля Димова

Пловдив - октябрь 2004

Болгария

Я случайно встретила с поэзией Константина Васильева. Эта счастливая случайность стала причиной пережить настоящий праздник души. Этот праздник продолжался до тех пор, пока у меня в руках были отдельные сборники Константина Васильева, изданные в различные годы его короткой земной жизни. Хочется просто назвать эти сборники, потому что их названия так много говорят о самой его поэзии. Это: «На круговом пути потерь» (1990), «Узелочек на память» (1993), «С любовью к природе» (1998), «Зимняя ночь» (2001), «Последние стихи» (2001, «Ночная бабочка в огне» (2002), «И здесь останусь навсегда» (2003), «Избранное». Стихотворения. Эссе. (2003), поэтический альманах «Ярославская лира» (1997).

К сожалению остались недоступными для меня другие сборники («Между нами», «Соцветия»), стихотворения, опубликованные в газетах «Золотое кольцо» (Ярославль), «Новое время» (Борисоглебский), «Очарованный странник» (Ярославль), «Юность» (Ярославль), в Государственном архиве Ярославской области, в личном архиве Е. А. Ермолина, из личного архива И. Г. Васильева, и многие другие источники.

Я не маститый литературный критик. И не поэт. Я просто люблю поэзию («...если это поэзия» – слова Константина Васильева). Я люблю этот мир сильных чувств, глубоких переживаний, люблю чувствовать силу отдельного слова. Я не люблю (и не умею) раскладывать поэтов по полочкам: сюда Брюсова, Бальмонта, туда - Блока, Адамовича, подальше Мандельштама, Ахматову, Гумилева – не дай Бог, собьют кого-нибудь с правильного пути. Каждый человек по-своему встречается с поэзией. Если она находит созвучие с его душой, он ее впускает в свое святое-святых, и она остается там надолго. Если нет созвучия, поэзия для него теряет свое волшебство, умирает для него. Поэзию нельзя «запирать» в строго установленные кем-то рамки, нельзя раскладывать на части, нельзя «разбирать по косточкам».

Поэзия Константина Васильева нашла созвучие с моей душой, вошла в нее и поселилась в самом ее сокровенном уголке, пусть там останется навсегда... Чем меня заворожила поэзия Константина Васильева? Верю, что вы поймете это сами, без моих ненужных, неприятных внушений. У меня появилось непреодолимое желание раскрыть для себя человека-поэта Константина Васильева, соприкасаясь с его же поэзией. Верю, что это случится...

Я постараюсь меньше говорить, а больше «давать слово» поэту. Буду ссылаться на его сборник «Избранное» Стихотворения, Эссе. (Ярославль, «Нюанс» 2003) Так как большинство стихотворений без заглавия, мне приходится указывать на страницы этого же сборника.

Итак, надо откуда-то начать. Не могу точно объяснить почему мне захотелось представить в качестве введения очень емкое по содержанию следующее стихотворение. Может быть оно раскрывает серьезность проблем, которые волнуют поэта? Особенно остра картина действительного мира, в котором живут не только люди, но и сам автор стихотворения:

стр. 18

Бездумным стать бы? – не судьба.

Беззлым сделаться бы? – нет уж.

Фотографирую себя

на фоне черном – к черту ретушь!

Фотографирую сирот

на фоне русского народа,

Фотографирую народ

на фоне полного разброда.

Фотографирую толпу

на фоне полного безлюдья.
Фотографирую тропу
на фоне «Витязь на распутье».
Фотографирую святых
на фоне вечного порока.

.....
Фотографирую весну
на пестром фоне листопада.
Фотографирую войну
на фоне века - третью кряду.
И начинаю проявлять...
И проявляется такое...

.....
Потоки подлости и лжи,
беды приливы и отливы...
Как негативы хороши...
Как безобразны позитивы!
И фотографии держу
в руке, дрожащей от волнения.
И вдаль – за каждый кадр гляжу, – конечно,
не для утешенья.

Дальше стихотворения из сборника «На круговом пути потерь» (1990). В стихотворении на стр. 40 меня поразили две первые строчки:

Хотя и все сидели, – но одни
в президиумах, в лагерях – другие.

Мне стало страшно от этих истин. Какое мужество нужно было иметь его автору - Константину Васильеву, чтобы в те годы выразить публично в стихах давно известную истину, о которой не смели не только говорить, но даже и думать. И дальше идет одно сильное обобщение:

Как тяжело мы дышим в наши дни,
Когда Свобода к нам пришла впервые...

.....
Так сами мы Свободу предаем,
ее ростки растаптываем сами,
а заявляем гордо: «Мы растем».
Но что нам делать с нашими правами,
когда мы можем лишь играть с огнем,
когда мы можем лишь играть словами?

Какие емкие слова – так их мало, а так много говорят! Сколько времени можно «растаптывать» свободу? До каких пор? Смелость есть? Есть. Мужество есть? Есть. Поэтический дар есть? Есть. Это поэзия Константина Васильева. А что такое Свобода, которую мы растаптываем сами? Что о ней сказал поэт?

Стр. 14
Наивный сонет
Свобода – дверью хлопнуть от души.
Свобода – душу выдернуть из тела.
Свобода – совесть выдернуть из лжи.
Свобода – делать собственное дело!

.....
Зачем мне в мир открытое окно?
Ведь у меня – подрезанные крылья!
Зачем душа, которую давно
по доброте душевной придушили?

Совсем созвучно с моим личным кредо следующее стихотворение Константина Васильева.
Из сборника «Границы слова», 1992, стр. 48

Земля твоя – в крови, –
расплачивайся кровью!
Расплачивайся за
тревоги все и грозы.
Смотри во все глаза:
на детских лицах – слезы!
За них опять – ответь.
Суди себя – сурово.

.....
Чтобы поэтом быть –
убей в себе поэта!

Мне становится страшно от этих слов. До каких пор надо расплачиваться за то, что ты живешь в этом жестоком мире? Невольно приходит в голову убеждение Достоевского, что вся гармония этого мира не стоит одной единственной слезинки ребенка. Не могу не преклониться перед талантом поэта: в трех словах, всего в трех словах передать все страдание ребенка, собранное в его слезах. Не закрывай глаза и сердце к страданию человека! Ты в ответе за все это!
Из этого же сборника на стр. 53 читаю:

Я шел к себе -
от мира громового,
от суеты, тщеты и от тоски, -
не пал в борьбе...

.....
Я в мир бежал
от собственных несчастий
и миру предлагал себя: «Лови!»
... А Идеал,
разорванный на части,
лежал меж мной и миром,
весь в крови.

Читаю и перечитываю. И думаю: как тяжело было поэту Константину Васильеву видеть свой Идеал - несомненно высокий идеал, весь в крови! Задаю себе вопрос: а стоит ли жить дальше? Наверное и Константин Васильев задавал себе этот вопрос. И сам ответил на него следующими стихами:

Стр. 54
На великой войне идеала
с бездуховными силами зла,
нечисть мира тебя не сломала -
все испробовала, не смогла.

Внушение очень сильное: надо продолжать борьбу со злом, с нечистью мира. Поэт это делал.
Перехожу к сборнику «Покров», 1994, стр. 70.

Сегодня многих душит гнев,
но, злобу дня преодолев,
страдаю молча...

.....

Кому нужны мои слова?
Толпа, ты, как всегда, права
когда святым пылаешь гневом.
Ты эшафот и ты топор.
Но сам суровый приговор
я выношу своим напевам.

Господи, до каких пор толпа будет «палачом» свободы, гения, славы, до каких пор толпа будет выносить свой приговор кого распять, а кого помиловать! Наверное не раз приходилось Константину Васильеву слышать: «Распни его» за его смелые, непокорные стихи. Было, наверное, очень страшно выходить на поединок с черной толпой. Ищу в его стихах ответ, но пока не нахожу. Наверное есть такие стихи, но все еще не опубликованы. Когда это будет!
Продолжаю свое путешествие по страницам сборника с поэзией Константина Васильева.
Продолжаю искать ответ на вопрос кто такой Константин Васильев. Стихотворение за стихотворением получаю ответы.

Сборник «Ночная бабочка в огне», 1995, стр. 84

«Не трогайте меня,
забудьте обо мне...»
Не жгу в ночи огня,
тоскуя об огне.

Один как перст, во тьме,
В такой глуши, в тиши...
Еще в своем уме,
еще не без души.

.....

Характер мой тяжел,
и в голосе металл.

.....

Безмолвие храня,
я слышу в полусне:
«Не трогайте меня,
забудьте обо мне!»

В одиночестве легче сохранить свою душу, не потерять свой ум. Почему так думает Константин Васильев? Наверное вокруг много лжи, много «нечисти» (по его же словам). Он не может и не хочет жить в таком мире. Одиночество не страшнее ли? У него свобода выбора – ложь или одиночество. Он делает свой выбор.

Я продолжаю всматриваться в поэзию Константина Васильева. Открыла еще одного Константина Васильева, утверждающего жизнь.

Стр. 102

Периоды распада
чем дальше – тем длинней.
Но жить-то надо, надо
глубинной жизнью всей.
И на кого пенять нам?

Пора не мир винить,
а языком понятным
по-русски говорить.

.....

Нельзя дышать без боли...
Но, глубоко дыша,
ты переходишь поле
и ты живешь, душа!

Я сделала вывод для себя: надо жить как бы ни было трудно, нельзя сдаваться. И напрашивается вопрос: на каком же языке мы разговариваем между собой? Видно, не на русском языке, а на языке отчуждения, озлобления, ненависти. Это ли имел ввиду поэт? К моей радости Константин Васильев мне тоже помогает, просто говорит какой он.

Он говорит: прими меня каким я есть, не старайся меня изменить, сделать из меня «послушного» поэта. Не получится. Ведь ты сама откажешься от меня. Я больше не буду «твоим» поэтом.

Я точно не умру от легкомыслия:
земная жизнь груба и тяжела.
Пускай моя не выполнена миссия –
познать добро путем познания зла, –
пускай мои слова наилегчайшие
под тяжестью своей изнемогли –
суди меня, казни меня, но знай, что я
шел к небу роковым путем земли.

Это стихотворение взято из сборника «Стихи високосного года», 1997, стр. 138.

А дальше идет сборник «Зимняя ночь», 1999-2001.

Стр. 166

Какие пропадают времена,
какие погибают здесь актеры!
Но все-таки еще пылают взоры,
в бокалах есть немножечко вина.

Однако если жизнь на разговоры
потрачена, то чья же в том вина?
Такие вот делишки, старина,
И мы с тобой – непойманные воры

Что ж, мы хотя б своим умом дошли,
что все от жизни взяли – и прожгли.
Последний акт осталось доиграть нам.

Не пей вина, на дне бокала яд!

.....

Страшное обобщение отчаяния: ... «все от жизни взяли – и прожгли». Поэт «доигрывает последний акт», последнее свое выступление на сцене жизни, и то в «своем уме». Без сетования на других, без обвинения других в его уходе из жизни. Предчувствие края жизненного пути. Ведь скоро будет 17-ое августа 2001 г.

Следующее стихотворение – праздник для души! Его пишу просто так. Константин Васильев мне напоминает о своей большой любви к русской природе. Раскрывает свой поэтический дар воплощать свое преклонение перед величием природы в столь же прекрасные стихи.

Стр. 166

Березы обнажаются; и сосны
зеленые – видны издалека.
И между ними – солнечные блесны,
идущие к земле сквозь облака.

И чувствую: зима еще вплотную
не подошла, она еще в пути...
По солнечному двигаюсь пятну я,
чтоб в тень уйти, скорее в тень уйти.

Если внимательно всмотреться в каждое слово, и здесь, как и во всех стихотворениях Константина Васильева, скрыт глубокий смысл. Читатель сам поймет это, а я восхищаюсь красотой всех слов вместе!

Вот еще одно стихотворение с таким же глубоким смыслом!

Стр. 171

Еще снега не тают
под натиском огня.
Еще средь бела дня
здесь волки завывают –
и лишь стихи стихают,
сбегают от меня.

Сбегают, убегают,
не видно и следов.
Глаза мои пугают
решительных волков.
К гортани прилипают
комки последних слов.

Разорваны на части
слова, какой в них толк?
С кровавым мясом в пасти
и сам я, словно волк.

Стр. 208

Да, бумага к терпенью приучена,
но легко ли бумагу терпеть?
Слово действенно, если озвучено,
если слышишь – и хочешь запеть.

Россия, что с тобой делают? До каких пор? Кто тебя унижает? И почему?

Стр. 208

Какой самец тебя заманит
в полуразрушенный сарай?
Какой подлец тебя завалит
и заорет: «А ну давай».

Да что: противники насилий,
жрецы, певцы известных мест,
мы это делаем с Россией –
и на глазах своих невест!

Стоит ли говорить о человеческом предательстве? Есть ли большее падение, чем предательство друга, друзей, близких тебе людей, в которых ты всегда верил? Константин Васильев берет на себя вину, если его лучший друг его предал. Так ли это? Я не знаю. Но вот, что пишет поэт:

Стр. 216

Если мой лучший друг
стал для меня никем –
я не ломаю рук,
вовремя сплю и ем.

Если же для него
я перестану быть –
то себя самого
буду в этом винить.

Буду страдать и мучиться
смешивать сны и явь...
Ты от подобной участи,
Боже, меня избавь!

Стихи, не вошедшие в авторские сборники 1990-е годы

Ничего не могу добавить к этому стихотворению. В нем вижу тревогу поэта за судьбу русского языка. А он (язык) в его поэзии такой чистый, такой емкий, такой красивый:

Стр. 243

Когда на чистом русском языке
со мною разговаривают камни,
тогда я вижу то, что вдалеке,
но никакая близость не близка мне.

На дикий берег я вышел налегке, –
И камнем в воду падают невзгоды,
а я на чистом русском языке
кому скажу о тяжести свободы?

В 1998 г. Ярославский областной экологический центр учащихся напечатал четыре стихотворения Константина Васильева под заглавием «С любовью к природе»:

Я в плену, я в неволе
У себя самого.
Перейду это поле,
Не найду ничего.
И по краю, по краю,
Где растёт краснотал –
Здесь я все растеряю,
Чем вчера обладал.
Тихо вскрикнет пичужка,
Вылетая на свет,
И лесная опушка
Встрепенется в ответ.
Будет песнь разливаться
Над землею моей –

Но душа отозваться
Не осмелится ей.

Поэт Константин Васильев Сам раскрыл мне свою трагедию, предчувствуя конец своего жизненного пути. Вот его исповедь:

Стр. 172

Я выпил алкоголь свой –
последнее вино.
Бесплатных удовольствий
мне больше не дано.

Тяжелое похмелье
легко ли перенести,
когда дороже зелье,
чем жизнь, любовь и честь?

Но я-то выпил больше,
чем было мне дано,
и все ж – не алкоголь же
тянул меня на дно!

Да сколь ни разглагольствуй,
признаньям грош цена:
я пил не алкоголь свой –
судьбу свою до дна.

И еще одно стихотворение в конце моего путешествия в поэзии Константина Васильева.

Подлунный лес настолько нов,
Что не могу узнать.
Поляны, сосны, крики сов,
Небесная тетрадь.
Быть может сказка. Но она
Кончается добром...
Листву зеленую Луна
Покроет серебром.
И меж деревьями ручей,
И камушки на дне...
Они светлей и горячей,
Чем камни на луне.
Но холодна, черна, чиста
Вода в моем ковше...
И вылетает из гнезда
Душа моя уже.
Душа – птенец в ночном лесу.
Под холодом Луны.
Ну как же я ее спасу
от страшной тишины?
Ну как же я ее верну,
Верну ей рост и вес?
Пусть улетает на Луну,
Пусть убегает в лес...

Первая моя встреча с поэзией Константина Васильева состоялась. Предстоит мне вторая встреча с его поэзией, но это будет очень грустная встреча с его стихотворениями, сотворенными в последний год, вернее в последние месяцы его жизни. Книга, в которую вошли эти стихотворения так и называется «Последние стихи», п. Борисоглебский, 2001.

Константин Васильев спешил написать то, что не успел раньше написать. Писал и прощался с жизнью...

Мне не по душе обобщать, делать какие-то выводы, какие-нибудь внушения. Особенно когда это относится к поэзии. Я даже не могу себе ответить на вопрос почему именно по этим его стихотворениям раскрываю для себя Константина Васильева. Не знаю. У него есть много поэзии, созвучной с моей душой.

Кончаю свое путешествие в мире поэзии Константина Васильева его же словами, украденными мной из его дневника 13-28 февраля 1982 г.

«Подлинная поэзия – нравственна. В нравственности поэзии заключена ее действенность. Уже потому всякая поэзия (если это поэзия) – «полезна». «Полезна» – всем, что в ней есть: изяществом, красотой, легкостью, игривостью, серьезностью, мрачностью, грустью, робостью, отчаянием, дерзостью, стыдливостью, небрежностью, собранностью... «Полезна» уже тем, что она – есть. Самим своим существованием».

... «Поэзия, бушующая только в душе поэта, еще не поэзия – так как о ней никто не ведает. Она «сама в себе». То же, что и – ничто. Она – вне действия. Вне жизни. Поэт, таящий про себя свои стихи – лишает свою жизнь смысла. Потребность предавать свои стихи гласности – неременная потребность поэта. Ибо лишь это придает смысл его занятиям и – шире – его жизни».

И действительно в заключение приведу написанное в Послесловии (к сборнику «Избранное» Стихотворения. Эссе) Евгением Ермолиным: «Константин Васильев – ярчайший поэт-романтик, о котором по справедливости, без преувеличения, можно сказать, что он сжег свою жизнь на алтаре высокого искусства, принес ее в жертву Аполлону. Творчество было для него естественным состоянием бытия. Стихи рождались потоком, шли волной. Это был его непрерывный, постоянно длающийся лирический дневник, его главный и почти единственный способ жить и выжить».